

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье исследуются особенности вербализации одного из ключевых концептов – концепта «время» в грамматических категориях испанского и русского языков. Проводится сопоставительный анализ теоретических основ различных научных подходов к пониманию концептов в русской и испанской когнитивной науке, приводятся дефиниции концепта и выявляются его основные характеристики. Концепт определяется как единица мышления или памяти; некий «квант» знания, отражающий опыт и результаты всей человеческой деятельности в процессе освоения мира и культуру народа в целом. Сравнительный анализ данного концепта в русской и испанской языковой картине мира позволяет определить различие в его содержании и выявить определенные особенности восприятия времени в обеих культурах. Анализ данных лексикографических источников позволяет выделить ядерные и периферийные признаки исследуемого концепта.

В статье рассматриваются лингвокультурные характеристики некоторых грамматических категорий, оказывающих влияние на восприятие времени представителями испанской культуры, таких, как «имперсональность» и «перфектность». При сопоставительном анализе грамматической семантики временных форм глагола, имеющих непосредственное отношение к вербализации данного концепта, автор обращается к концепциям известных исследователей культурных различий с целью определения временной ориентации исследуемых культур: теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродбека, классификациям культур Э. Холла и Г. Хофстеде, труду по межкультурной коммуникации Л. Самовара, Р. Портера и Э. Макдэниэла и др. Необходимо отметить, что языковые и грамматические проекции исследуемого концепта рассматриваются не сами по себе, а в тесной взаимосвязи с культурно-специфическими особенностями. Другими словами, автор стремится установить существующую взаимосвязь между особенностями вербализации данного концепта и национально-культурным своеобразием народов, поскольку языковые средства, представляющие этот концепт, обладают национальной спецификой. Таким образом, в работе рассматриваются вопросы о взаимодействии языка, в частности, грамматики и культуры. Кроме того, предпринимается попытка объяснить эти особенности восприятия времени своеобразным историческим и культурным развитием, и другими культурно-обусловленными причинами. Итак, данное исследование позволяет получить немало ценных знаний об особенностях менталитета, традициях, образе жизни представителей исследуемых культур, а также выявить некоторые характерные черты их языкового и культурного поведения, что может благоприятно повлиять на восприятие испанской культуры и на дальнейшие взаимоотношения представителей обеих культур.

Ключевые слова: концепт, вербализация, грамматические категории, языковая картина мира, грамматическая семантика, временные формы глагола, временная ориентация, особенности восприятия времени, классификации культур.

Исследование концептов в настоящее время является одним из перспективных и приоритетных направлений современной лингвистической науки, поскольку именно концепты позволяют рассматривать слово в контексте культуры, познания и коммуникации. Так как в структуре концепта отражаются признаки, функционально значимые для соответствующего народа, анализ концептов помогает выявить ценности определенной лингвокультуры и особенности менталитета, что является особенно важным для успешной межкультурной коммуникации.

Концепт – термин междисциплинарный, зародившийся как понятие математической логики, однако с течением времени, утвердившийся в психологии, культурологии, философии, когнитологии и других научных областях. Именно

поэтому основатель когнитивно-дискурсивного подхода, Е.С. Кубрякова называет этот термин «зонтичным», покрывающим «предметные области нескольких научных направлений» [7, с. 91]. Потому, неудивительно, что единого понимания концепта в науке не существует. Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7, с. 89].

Слово «концепт» происходит от латинского слова «*conceptus*», что в переводе означает «зачатие, зачаток, плод (зародыш)», поэтому это ментальное образование еще совсем неоформленное, не выраженное и, соответственно, ненаблюдаемое дает широкий простор для различно-

го рода толкований. Среди различных подходов к изучению концептов следует выделить: лингвокогнитивный или психолингвистический и лингвокультурологический подходы.

В отечественной науке этот термин впервые был употреблен еще в начале XX века представителем лингвокогнитивного подхода, религиозным философом и профессором С.А. Аскольдовым-Алексеевым. Ученый подчеркивал важность заместительной функции концепта и определил его как «мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 267]. Другой представитель данного подхода, выдающийся филолог и культуролог, Д.С. Лихачев в своей работе отмечает, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [8, с. 281]. При этом, как подчеркивает академик, «концепт не только заменяет значение слова», но и «расширяет его, вмещая в концепт предшествующий языковой опыт человека».

Другие представители лингвокогнитивного подхода определяют «концепт» иначе. Так, исследователи З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что концепты вернее называть единицами мышления, а не памяти, ведь, несмотря на то, что они выполняют роль хранителей информации, прежде всего, они обеспечивают процесс мышления [10, с. 9].

Лингвокультурологический подход представлен в работах профессоров С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова и многих других. Следует заметить, что эти подходы не являются взаимоисключающими, напротив, они дополняют друг друга, но понимание природы «концепта» все же различается. Так, в рамках лингвокультурологического подхода концепт воспринимается как некое «направление от культуры к индивидуальному сознанию», тогда как для сторонников лингвокогнитивного подхода концепт представляет собой как бы обратное «направление от индивидуального сознания к культуре». [4, с. 89]. Согласно С.Г. Воркачеву, концепт – «операционная единица мысли, как единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [2, с. 67]. Следовательно, менталь-

ное образование, не имеющее этнокультурную специфику, по мнению автора, к концептам не относится. Академик Ю.С. Степанов определяет концепт как некий «сгусток культурной среды в сознании человека, это – то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». Однако, по мнению автора, концепт – это не только инструмент культуры, это еще и то, посредством чего обычный человек постигает культуру [11, с. 42].

Необходимо отметить, что в работах испанских исследователей концепт практически эквивалентен термину «понятие», так как он преимущественно воспринимается как категория мыслительная, логическая или когнитивная. Несмотря на то, что в некоторых работах говорится о связи концепта с личным опытом индивида и его сознанием, о его связях с культурой народа упоминаний нет. К примеру, испанский исследователь Мариэла Агилера определяет концепт как некие образования или ментальные автопроекции, посредством которых мы понимаем опыт, накопленный благодаря взаимодействию с нашей средой и окружением [13].

Не вызывает сомнений тот факт, что концепт «время» очень важен для понимания обеих культур. Это понятие находит широкое отражение и истолкование в различных лексикографических источниках. Для исследования концепта «время» в русском языке, следует обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, где среди определений данного понятия можно найти следующие: «одна из форм существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний»; «продолжительность, длительность чего-н.»; «промежуток той или иной длительности» или «определенный момент, в который происходит что-н.»; (мн. ч.) «период, эпоха»; «пора дня, года»; «подходящий, удобный срок, благоприятный момент»; «период или момент, незанятый чем-н., свободный от чего-н.»; (в грамматике) «категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего» [9].

Необходимо признать, что, несмотря на всю многозначность слова «время» в русском языке, в испанском языке «время/tiempo» все же обладает большим потенциалом содержания. Испанское «tiempo», помимо всех ранее упомянутых

значений включает еще и следующие: возраст (*edad*); состояние атмосферное, т. е. погода (напр., *hace buen tiempo* / хорошая погода); (в музыке) каждая из одинаково длящихся частей в которой выделяется такт, ритм; (в фехтовании) удар, который наносится игроком, чтобы победить противника; затяжной шторм на море; (в механике) ход поршня, заканчивающего цикл в двигателе внутреннего сгорания, т. е. такт [20]. Необходимо отметить, что данные словарных статей единицы «*tiempo*» представлены соответствующе движению от ядра концепта к его периферии. Следует пояснить, что к ядру относятся «прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы» [7, с. 90], тогда как периферия концепта представлена более абстрактными признаками, накладываемыми на базовый слой. Однако периферийное положение концептуального признака вовсе не говорит о его незначительной роли в поле концепта, оно лишь показывает степень удаленности этого признака от ядра и «степень конкретности или наглядности образного представления» [10, с. 191].

Итак, становится очевидным, что концепты, являясь «сгустком культуры в сознании человека» [11, с. 43], позволяют обнаружить как языковые, так и культурные особенности народов. Поскольку концепт выражается целой совокупностью языковых и неязыковых средств, каждое из которых по-своему уточняет, иллюстрирует или расширяет его содержание, анализ всех этих средств, в частности, грамматических, позволяет исследовать картину мира конкретного народа и определенные особенности его менталитета. Языковая картина мира, согласно Владимиру Ильичу Карасику, представляет собой «систему отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке» [4, с. 74]. Вполне логично, что языковые картины мира различных народов различаются как в лексическом, так и в грамматическом отношении. Следовательно, лексические единицы, равно как и лингвокультурные характеристики грамматических категорий имеют особое значение для изучения языковой картины мира и когнитивных исследований языка. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что все грамматические категории подразделяются на два основных типа: содержательные и формаль-

ные. К формальным относятся грамматические категории, неспособные как бы то ни было отобразить национально-культурную специфику языка и особенности культуры. В то время как, содержательные грамматические категории, напротив, являются культурно-специфическими и определенным образом влияют на мировоззрение и поведение носителей конкретного языка. Так, например, «имперсональность» или безличные формы глагола в русском (например, мне *нездоровится* / *думается* / *помнится* и т. д.) и испанском языках (*se me ha olvidado* / дословно: мне *забылось*, вместо: я забыл; *a mí me gusta* / мне (дублирование: мне) *нравится*; *que a mí me conste* / *насколько мне известно*; *se respire (bien)* / *дышится (хорошо)* вместо *I forgot, as far as I know, I breathe* в английском, где, напротив, подчеркивается личность говорящего) являются важным признаком языкового сознания носителей данных языков.

Действительно, в рамках лингвокультурных исследований языка уже было приведено множество доказательств, подтверждающих тот факт, что языки склонны фиксировать или, другими словами, отражать в грамматике наиболее существенные концепты и реалии культуры определенного народа. В связи с этим, представляется целесообразным сопоставить временные формы глагола в испанском и русском языках, так как некоторые из них отражают определенные культурно-специфические особенности мировосприятия и характерные черты языкового и культурного поведения, отличающие представителей обеих культур.

Следует заметить, что в испанском языке глаголы и глагольные конструкции играют важную роль для выражения различного рода действий или оттенков действий, которые лексически выразить невозможно как в русском языке. Так, например, глагольная конструкция «*ir* (дословно: *идти/ехать*) + союз *a* + *инфинитив*» выступает в роли заместителя будущего времени, поскольку обозначает действие, которое произойдет в ближайшем будущем. (*Voy a llamar a la policía...* | Я позвоню в полицию). Другой особенностью грамматического строя испанского языка является такая грамматическая категория как «*перфектность*» или «*предшествование*». Грамматическая категория «перфекта» довольно прочно закрепилась в ис-

панском языке, равно как и во многих других языках романской группы, берущих начало от латыни. Данная категория представлена в таких видовременных формах прошедшего как *Pretérito Perfecto* («ближайшее прошедшее»; завершённое действие, связанное с настоящим моментом); *Pretérito Indefinido* (прошедшее завершённое действие, предшествующее моменту речи); *Pretérito Pluscuamperfecto* (законченное действие, предшествующее другому действию или моменту в прошлом). Более того, категория «перфектности» находит выражение и в формах будущего времени: *Futuro Compuesto* (будущее завершённое), выражающей действие, предшествующее другому действию или моменту времени в будущем и *Condicional Compuesto*, представляющей завершённое условное наклонение, но по сути, с чем соглашаются большинство грамматистов являющейся формой «будущего в прошедшем» (напр., *Sabía que Leticia la ayudaría* / Он(а) знал(а), что Летисия ей поможет).

Эта категория свидетельствует об удивительной многовековой истории языка и, вполне очевидно, что она оказывает определенное влияние на сознание его носителей, которые неосознанно в процессе речевой деятельности склонны акцентировать внимание на последовательности действий, поскольку «максимальная степень развернутости какой-либо категории свидетельствует о том, что она обозначает приоритетный для данной культуры признак» [4, с. 75]. Необходимо отметить, что в русском языке данная грамматическая категория в большинстве случаев выражается не грамматическими, а лексическими средствами (напр., я его видела **до того**, как он заболел; он **уже** сделал уроки (сов. вид), когда мама пришла).

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в испанском языке существуют несколько видов прошедшего времени, большинство из которых были перечислены выше, за исключением *Pretérito Imperfecto* (незаконченное, длительное действие в прошлом, которое произошло на фоне другого действия, напр., *veía la televisión cuando vino mi madre* / он(а)/я смотрел(а) телевизор, когда мама пришла) и *Subjuntivo Imperfecto* (имперфект сослагательного наклонения, представляющий собой косвенный императив в прошедшем, напр., *madre*

le dijo que comprara el pan / мама сказала ему, чтобы он купил хлеб). Становится вполне очевидным, что в испанском языке прошедшее время обладает более разнообразными временными оттенками, характеристиками и, соответственно, большей важностью для носителей, что объясняется широкой дифференциацией его форм и, безусловно, обуславливается временной ориентированностью культуры. В связи с этим необходимо обратиться к теории ценностных ориентаций американских культурологов и антропологов Флоренс Клакхон и Фреда Стробека, которые, как и другой выдающийся американский антрополог Эдвард Холл, предложили свою методологию изучения культур. По мнению ученых, основные различия культур могут быть обнаружены в ходе анализа отношения каждой культуры к определенным концептам или ценностям, среди которых выделяется отношение к концепту времени. Этот важный аспект для принятия решений и в целом организации человеческой деятельности и многого другого существенно различается от культуры к культуре. Выделяются три основные формы временной ориентации: ориентация на прошлое, настоящее или будущее. В связи с приведенным ранее выводом относительно грамматической категории прошедшего времени в испанском языке, следует заключить, что испанская культура преимущественно ориентирована на прошлое. Это подтверждает и множество других фактов: испанцы, как известно, высоко ценят многовековые традиции, о чем свидетельствует бесчисленное множество праздников и обычаев как общеиспанских (день конституции, Рождество, Пасха, праздник трёх волхвов Reyes Magos и др.), так и «провинциальных» («лас фальяс» в Валенсии, «мавры и христиане» в провинции Аликанте и Дения, и т. д.). Необходимо отметить, что у жителей различных автономных округов и провинций не только свои диалектические особенности, символика и герб, но и, конечно же, особые фольклорные традиции, которые передаются и свято чтутся уже на протяжении многих столетий. История другой многовековой испанской традиции, порождающей немало споров – корриды – берет начало от ритуальных игр с быками, проводимых еще в Древней Индии и на острове Крит, а также кельтами и финикийцами, одними из первых

колонизировавших Пиренейский полуостров, также указывает на то, что испанцы придают большое значение прошлому. Другим доказательством бережного отношения к истории и культуре своей страны может служить тот факт, что для представителей этой культуры до сих пор незыблемыми остаются символы монархии и сам король, как некий символ единства нации и защитник веры.

Кроме того, в пособии по межкультурной коммуникации профессоров Ларри Самовара, Ричарда Портера и Эдвина Макдэниэла отмечается, что ученикам и студентам в Испании преподаются уроки и читаются лекции, оказывающие влияние на формирование «национального духа» («national spirit»). Действительно, культура для испанцев – предмет гордости, и эта гордость отчасти прививается благодаря культурологической составляющей в образовательном процессе [17, с. 333]. Также необходимо добавить, что многие исследователи сходятся во мнении относительно того факта, что испанцы все еще считают себя представителями великой империи. Так, например, этнопсихолог В.Г. Крысько пишет, что для испанцев «свойственна психологическая обращенность в славное историческое прошлое, когда Испания, изгнав врагов-язычников со своей территории, стала державой, открывшей Америку и начавшей ее колонизацию» [6, с. 109].

Однако следует обратить внимание на то, что есть и другие факты, как в грамматике языка, так и в культуре, противоречащие данному утверждению и указывающие на ориентацию испанской культуры на настоящее. Во-первых, это некая относительность настоящего времени в испанском языке или его нейтральность в отношении (дифференциации) времени. Дело в том, что в испанском настоящее время (*Presente de Indicativo*) порой может охватывать гораздо больший временной отрезок, что подтверждают слова известного писателя, философа и филолога Андреса Бельо: «...глагольная форма настоящего времени, прежде всего, обозначает обычное действие (la acción habitual), периодическое или длящееся, *без ограничения во времени*...» [14, с. 422]. В свою очередь другой выдающийся лингвист Амадо Алонсо и известный писатель Энрикес Уренья подчеркивают, что, несмотря на то, что действие глагола в *Presente* совпадает

с актом речи, это не значит, что действие происходит именно в данный момент. («No indica pues, que ocurra solamente en la actualidad, sino que ocurre en la actualidad») [18]. Поэтому очевидно, что эта «актуальность» имеет настолько общий характер, что может «накладываться» и на прошедшее и в некоторых случаях и на будущее. К примеру, в пословице *El tiempo lo cura todo* / Время все лечит – действие не ограничено временным пределом. В следующем случае настоящее время обозначает действие, произошедшее в прошлом, что характерно для письменной речи, однако и в разговорной также допустимо: «*Así, tras la última derrota en 1492 en que Granada se incorpora* (гл. наст. вр.) *a España, se inicia* (наст. вр.) *un nuevo capítulo en la historia.*» / Так, после последнего сражения в 1492 г., в результате которого Гранада *присоединилась* (в русском же прошедшее вр.) к Испании, начинается новая глава в истории [5, с. 102]. В предложении: *Este verano vamos* (наст. вр.) *a Brazil* / *Этим летом мы поедим в Бразилию* настоящее время выражает действие, которое совершится в будущем. Данные примеры в то же время подтверждают тот факт, что у большинства испанцев полихронное восприятие времени. Дело в том, что Э. Холл одним из важнейших культурных различий считал различие между монохронным и полихронным восприятием и использованием времени. По его словам, монохронное восприятие времени подразумевает, что в один и тот же отрезок времени возможна реализация лишь одного вида деятельности «...its possible to concentrate on *one thing* at a time...» [16, с. 45]. Тогда как полихронное восприятие времени, напротив, предполагает, что в течение определенного отрезка времени могут совершаться несколько дел одновременно (multiple tasks and responsibilities) [16, с. 49]. Эти различия порождают различные типы поведения представителей культур. Такая относительность настоящего времени в испанской грамматике свидетельствует о том, что время воспринимается хаотически, что свойственно полихронным культурам. В то время как в монохронной модели, напротив, время представляется либо в виде прямой линии, либо в виде вектора, ведущего из прошлого в будущее и способного дробиться на четкие отрезки времени, которые отведены для заранее

определенных дел. Для представителей культур полихронного типа время изображается в виде спирали, круга или точки; оно не столь осязаемо, поскольку они не склонны к его четкой сегментации. Это находит отражение в языке: предпочтительное использование слова «*сумки*» в русском и «*(todo) el día*» в испанском вместо 24 часа/horas. Представители обеих культур редко задумываются о точном использовании времени, они предпочитают не уточнять, избегать его четкого подсчета, потому как и испанцы и русские уделяют большее внимание скорее качеству работы, нежели установленному сроку выполнения. Они обычно придают большее значение человеческим взаимоотношениям, чем каким-то договоренностям о встречах и срокам выполнения задач, поэтому их пунктуальность часто зависит от характера взаимоотношений [17, с. 215]. Другим доказательством полихронности испанцев может служить испанское и, в особенности, латиноамериканское понятие «*mañana*»/«*завтра*», которое практически не ограничено временем. Следующие пословицы также подтверждают склонность представителей этой культуры к полихронному восприятию времени: *En España es cosa perdida toda cosa aplazada* [15, с. 377] (В Испании дело потерянное – дело отложенное на потом); *A los españoles les vienen siempre cortos de el tiempo y dinero* [15, с. 377] (Испанцам всегда не хватает времени и денег).

Другим доказательством ориентированности испанцев на настоящее будут уже не грамматические, а феноменологические, т. е. лексические и культурные особенности. Как известно, культурные системы, ориентированные на настоящее, обращают сравнительно мало внимания на то, что может произойти в будущем, можно сказать, они живут по принципу «здесь и сейчас» и наслаждаются жизнью [17, с. 207]. В испанском языке есть ряд выражений таких, как *aprovechar (el momento/la vida)* / *использовать, т. е. брать все лучшее от (момента или жизни)*; *gozar el momento* / *наслаждаться моментом*; *disfrutar la vida* / *наслаждаться жизнью*, которые подчеркивают, что в жизни важно получать удовольствие от жизни, радуясь тому, что имеешь сегодня. Это подтверждает тот факт, что одной из наиболее важных ценностных категорий испанцев является эпикурейство, т. е.

стремление к жизненным удовольствиям как и у других культур гедонистического типа¹. Оно-то и обуславливает зарождение таких качеств как неторопливость, непунктуальность и склонность не придавать чрезмерного значения времени, которое, как отмечает доктор филологических наук Н.М. Фирсова, «покушается на их свободу, а покушение на свободу означает покушение на удовольствие» [12, с. 135]. Следует подчеркнуть, что эти характерные для испанцев черты и ценностные ориентации обусловлены культурно-историческим развитием. Поскольку на протяжении восьми столетий почти весь Иберийский полуостров был частью арабо-испанского мира, а именно арабам, как известно, свойственно эпикурейство и полихронность, о чем говорит известный литературовед и культуролог, давно занимающийся сравнительным описанием культур, Г. Гачев: «мусульманский рай исполнен чувственной неги и сладострастия..., где время совершенно не ценится» [3, с. 163].

Об ориентации испанцев на настоящее может свидетельствовать и так называемая грамматическая категория «вероятности или возможности» (*probabilidad*), подтверждающая отсутствие стремления у представителей данной культуры планировать будущее. В русском языке эта категория выражается лексическими средствами. Тогда как в испанском в большинстве случаев эта категория вероятности verbalizруется посредством видовременных форм (лексически также возможно, но не распространено), а именно ***Futuro Simple*** – ***будущим простым*** (если предполагаемое действие соотноситься с моментом речи или настоящим временем, напр., *Serán las dos* / *(Сейчас) наверное два часа*), ***Futuro Compuesto/Perfecto*** – ***будущим завершенным*** (если вероятное действие соотноситься с прошедшим завершенным (Pretérito Perfecto), напр., *Se habrá ido ya* / *Он наверное уже пришел*), ***Condicional Simple*** – ***простым условным наклонением*** (если вероятное действие относиться к прошедшему, завершенному (Pretérito Indefinido), напр., *Estaría*

¹ Гедонистический (от *hédoniste* «удовольствие») – относящийся к гедонизму, основанный на нем. Гедонизм (др.-греч. ἡδονή – «наслаждение», «удовольствие») – этическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и целью жизни [http://tolkslovar.ru/g1232.html].

oscurado / Он наверное был занят) и *Condicional Compuesto* – сложным условным наклонением (в случае совпадения предполагаемого действия с предпрошедшим (*Plusquamperfecto*), напр., *Habría llegado para las cinco* / Наверное он приехал к пяти). Благодаря обилию наречий, выражающих категорию «вероятности» в русском и испанском языках (*наверно(е), вероятно, возможно, пожалуй, быть может, видимо, очень может быть, должно быть, думается, вроде бы, не исключено, что...* и др. / *tal vez, quizás, probablemente; posiblemente, a lo mejor, puede (ser) que, igual, seguramente, lo mismo es que, etc.*) и реализации этой грамматической категории в испанской грамматике, становится понятным, что в данных культурах восприятие мира часто сопровождается неуверенностью, представлениями лишь о вероятности чего-либо, т. е. гипотетическими предположениями. Это может свидетельствовать об отсутствии, как уже было замечено ранее, склонности к планированию. Вполне логично, что культура, ориентирующаяся на настоящее, не стремится к долгосрочному планированию (*long-term orientation*), она, напротив, будет чаще ориентироваться на краткосрочную деятельность (*short-term orientation*). Этот параметр измерения культур представлен в классификации выдающегося нидерландского социопсихолога и антрополога Г. Хофстеде. Данный параметр указывает на то, насколько общество поддерживает связь с прошлым, когда оно пытается справиться со сложностями, имеющими место в настоящем или будущем. Те общества, у которых данный показатель низкий, предпочитают проверенные временем традиции и нормы и относятся к изменениям в общественном порядке с недоверием и опаской. Культуры с высоким показателем, напротив, более прагматичны в данном вопросе: они вкладывают свои силы и средства в современное образование как способ подготовиться к будущему, и в предприятия, которые принесут плоды не сразу. Так, у Испании срединный показатель по данному параметру (48 из 100) [20]. Испанцы живут сегодняшним днем, без особых переживаний о будущем: «*spanish people like to live in the moment, without a great concern about the future*» [20], поэтому они ждут незамедлительных результатов, т. е. не готовы работать на будущее. Но при этом в

рабочей и учебной обстановке они нуждаются в четких инструкциях и ясно сформулированных правилах, которые порой превалируют над непринужденным отношением к жизни. Это не случайно, ведь согласно данным другого параметра этой же классификации, Испания является культурой с высоким индексом избегания неопределенностей (86 из 100) [20]. Этот факт отражается в том, что выбору материала и разработке четкой структуры урока в испанских школах уделяется много внимания, чтобы снизить уровень неопределенности и сделать комфортным процесс обучения. В учебнике по межкультурной коммуникации Л. Самовара, Р. Портера и Э. Макдэниэла отмечается, что преподаватели в испанских учебных заведениях предпочитают намечать план и цели на текущий день, стараются как можно четче объяснять домашние задания [17, с. 334]. Представители же русской культуры, напротив, более терпимы к неопределенностям (показатель по данному параметру: 95 из 100) [20], следовательно, они, равно как и испанцы, не склонны планировать будущее, предпочитают жить настоящим. Об этом, в частности, свидетельствует большое разнообразие указанных наречий, выражающих неопределенность, и другие факты.

Подводя итог, хотелось бы, прежде всего, сказать, что многие из авторов упомянутых теорий подчеркивали, что в реальной жизни довольно-таки трудно найти культуру, которая бы могла во всех отношениях быть ориентированной исключительно на один из временных континуумов. Обычно же в рамках одной и той же культуры мы можем сталкиваться либо с двумя, либо со всеми тремя временными направлениями. Это зависит от сферы и характера деятельности, и, конечно же, культурных и экономических приоритетов. К примеру, японцы, как известно, до сих пор строго чтят традиции и верования, уважают старших, трепетно относятся к своим предкам, истории и культуре, что говорит об их ориентированности на прошлое, но исключительно внутри этой страны. В рамках же международной деятельности как высокоразвитая индустриальная страна, имеющая огромный экономический и технологический потенциал, очевидно, ориентированная и работающая на долгосрочные предприятия, она просто не может не быть ориентированной на

будущее. Аналогично и в случае с испанцами, которые высоко ценят свое прошлое, придают большое значение традициям и выполнению общественно-исторических обязательств и в то же время акцентируют внимание на настоящем, живут сегодняшним днем. Также и у русских, несмотря на то, что в большинстве своем они тяготеют к краткосрочной ориентации (значит ориентации на настоящее), введение ряда программ по долгосрочной государственной экономической политике и стратегий инновационного развития страны с запланированной конечной реализацией к 2020 году подтверждает, что представители данной культуры в рамках отдельных сфер все же предпочитают ориентироваться на будущее. После непосредственного сопоставления различных грамматических категорий, репрезентирующих исследуемый концепт «время», становится понятным, что с позиций лингвокультурного моделирования

языка можно выделить те категории, которые составляют его этнокультурную специфику, и те, которые вряд ли можно отнести к национально-специфичным. Более того, на примере анализа семантики грамматических единиц, мы можем убедиться в том, что язык, действительно, является одним из основных средств доступа к сознанию человека. Следовательно, посредством анализа языка и его единиц мы можем узнать об особенностях мировосприятия представителей какой-либо культуры, а также и о причинах, повлиявших на появление тех или иных культурно-специфических особенностей. Таким образом, концепт как единица, без сомнения, лингвокультурологическая может познакомить нас с историей, культурой и национальным своеобразием обоих народов, что необходимо для понимания культурных особенностей и установления успешного межкультурного взаимодействия.

12.01.2017

Список литературы:

1. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология: под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 67–72.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира. Евразия / Г. Гачев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: «Перемена», 2002. – 477 с.
5. Киселев, А.В. Geografía e historia de España. Испания. География. История / А.В. Киселев. – Санкт-Петербург: Каро, 2008. – 265 с.
6. Крысько, В.Г. Этническая психология / В. Г. Крысько. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
7. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
8. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка (статья) / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология: под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 281 с.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка (А–Д) [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – Режим доступа: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt.
10. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
11. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический проект, 2004. – 991 с.
12. Фирсова, Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н.М. Фирсова. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 342 с.
13. Aguilera Mariela Los conceptos en ciencia cognitiva / Mariela Aguilera // Universidad Nacional de Córdoba, 2013. – 16 p.
14. Bello Andrés Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos / Andrés Bello. – Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2002. – 422 с.
15. Doval Gregorio Refranero temático español / Gregorio Doval. – Madrid: Ediciones del Prado, 1997. – 447с.
16. Hall Edward T. The Dance of Life: The Other Dimension of Time / Edward T. Hall. – New York: Doubleday and Company, 1983. – 256 с.
17. Samovar, Larry A. Communication Between Cultures / Larry A. Samovar, Richard E. Porter, Edwin R. McDaniel. – Boston: Wadsworth, 2009. – 465 с.
18. Различия временных форм глагола в испанском языке Испании и Латинской Америки [Электронный ресурс]. – Cuaderno.ru: 2004. – Режим доступа: <http://www.cuaderno.ru/dopolnitelno/250>.
19. Diccionario de la lengua española de la Real Academia española [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dle.rae.es/?id=Zir6Ipf>
20. The Hofstede Centre. Russia & Spain` Cultural Dimensions [Электронный ресурс]. – Hofstede.com. – Режим доступа: <http://geert-hofstede.com/spain.html>

Сведения об авторе:

Инчикова Юлия Андреевна, ассистент кафедры теории и практики перевода факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4118, e-mail: jutja@mail.ru